

АРОСЕВА УСЫНОВИЛА

МОИСЕЙ

В Театр сатиры пригласили психоналтика

ным подарком к ее юбилею 21 декабря.

Так зачем же Аросевой психоналтик, у которого она настойчиво добивается приема?

— **Ольга Александровна, а вы сами обратились бы к психоналтику?**

— Я? Ни за что. Я их ужасно не люблю.

— **А как же Мадлен?**

— Мадлен жила с ощущением вины — из-за сына, которого она в молодости оставила в монастыре. И это скомкало ее жизнь. Наступил момент, когда ей захотелось высказаться кому-нибудь. И оказалось, что здесь встретились два одиноких человека с близкими судьбами. Моисей ведь рос у приемных родителей. Я люблю такие роли, где есть и смешное, и можно над чем-то подумать.

Первое явление загримированной и одетой Мадлен режиссеру: дефилирует, как на подиуме, в бордовых бархатных сапожках с обилием пушистого меха. Саркисов морщится:

— Ольга Александровна, они замечательные. Но все же будут смотреть только на ваши ноги. Надо скромнее.

Актриса безропотно соглашается. Отношения режиссер — актриса у Саркисова с Аросевой возникли впервые и длятся всего два месяца. Но при этом полное взаимопонимание. Поэтому я интересуюсь у режиссера, не показательный ли это спектакль, специально для корреспондента? Говорят, что Аросева бывает строптивая.

— Нет, мы работаем спокойной и всегда приходим к компромиссу. Можем порепетировать полтора часа, и если устали, то разбегаемся.

Но как пациент артистка не так проста: ироничной благовидной старушке удается за 1,5 часа разрушить всю научно-теоретическую базу психонализа. Она, как страстная миссионерка по спасению душ, бойко забирает инициативу у специалиста.

— Знаете, вы похожи на моего преподавателя в школе. Правда, он плохо кончил — ему глотку перерезали. Ой, простите, я не подумала. — Расплывает-

ся в смущенно-извиняющейся улыбке, за которую ей можно простить все. Но психоналтик не оставляет попытки избавиться от взбалмошной клиентки.

— В вашем возрасте очень опасно копаться в себе. Последствия аналитической практики могут быть опасны.

— Расист!!! — орет во всю глотку и задумывается: что же это она такое сказала? — Я страшная старуха. Сейчас выпью таблетки. Вот, четыре штуки осталось, замечательно! И все — реанимация, эвакуация.

В одной из пауз я узнаю, что уютное панчо Аросева привезла из Германии. Шляпка тоже ее личная, из дома. Черный изысканный наряд в кружевах и с декольте купила в салоне за ОЧЕНЬ большие деньги. Все костюмы несут определенную функцию — с каждым из них меняется поведение героини.

Но до усыновления еще далеко. Пока же аналитик объявляет о стоимости приема — 500 франков. Это ее слегка смущает. Но ненадолго. В следующую сцену она хизнерадостно въезжает на самолете:

— Я продала две картины своего, по-моему второго, мужа и теперь могу заплатить вам за полгода вперед. Оказалось, он хорошо рисует...

Герои садятся на стулья, на самый край сцены, и смотрят фотографии. Это такой прием в психонализе — разглядывать старые снимки и комментировать их.

— Здесь мне шесть с половиной лет. Это мое первое причастие, — произносит Аросева, и на первый взгляд что здесь может быть смешного? Но все впереди.

— Вы напряжены.

— Заметила?! Я хотела в уборную. А вокруг говорили: «Смотрите на эту малютку. Как она серьезна, как верит в бога». Я чуть не обосралась тогда.

Несмотря на постоянную иронию на сцене, иногда бывает совсем не до смеха: когда Мадлен наговаривает свою тайну на диктофон и в изнеможении сползает по стенке и когда постоянно вспоминает о смерти, надеясь, что та придет за ней позже. Вопрос, который закрадывается еще в начале спектакля, ближе к концу вырисовывается четче:

— **Так кто же кому больше помог: не Мадлен ли аналитику?**

— Они друг другу помогли, — объясняет актриса. — Просто он сразу почувствовал, что она ему нужна, но не захотел слушать свое сердце. А Мадлен с самого начала стала отвергать научный подход к душе.

А режиссера теперь раздражают длинные шурики на ботинках Аросевой. Но эти несолидные шурики ей очень дороги.

— Это же здорово, что они там, где не положено. И потом, — далее следует убийственный контраргумент, — что же, я так плохо играю, что все только на шурики смотрят?

Тут возразить нечего. Режиссер замолкает. Усыновленный Моисей улыбается.

Мария КОСТОКЕВИЧ.

— Раньше ведь как было? Придешь к священнику, перекрестился, и понеслось на два часа. А теперь... — вздыхает Ольга Аросева со сцены. Да, теперь исповедуются по науке — даже в таком месте, как Театр сатиры. Поэтому сюда и пригласили практикующего психоналтика Моисея, он же артист Анатолий Гузенко. Он должен помочь Аросевой обрести душевное равновесие. Правда, под присмотром режиссера, потому что иначе милая мадам Мадлен сама кому хочешь мозги залудрит.

Стремительное наступление Аросевой на психоналтика началось со скандала на лестнице. За дверями зрительного зала на чердаке Театра сатиры раздался громкий сварливый голос:

— Что это такое? Почему вы меня не пускаете? Почему лифт не работает? Я вас предупреждаю: несмотря на свою больную спину, я еще очень хорошо... — на этих словах мадам в шляпке и шикарном клетчатом панчо ворвалась в зал. Повозмущавшись еще немного, она хлопнула рюмку и заявила, что ненавидит эту марку.

— Наливайте Аросевой полпорки, чтобы она могла выпить залпом! — кричит за сцену режиссер Валерий Саркисов, который уже два месяца выслушивает вопли народной артистки. Скоро этот шум должен превратиться в легкую комедию «Мадлен и Моисей» по пьесе Пьера Оливье Скотто. Премьера — бенефис Аросевой — выйдет отлич-

1995. - 8965. - P. 7.